

2 КУРС

Курсанты
АНАСТАСИЯ МАКСИМОВА

Максимова Анастасия

Курсанты – 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69555709

SelfPub; 2023

Аннотация

Второй курс, говорят, легче, но курсанты об этом не слышали. Они снова залетают, бегают в чепок и без конца дряют новую территорию. А мы наблюдаем за всем этим, гадая, откуда Семен Семёныч вывалится в следующий раз и как сложатся отношения ребят друг с другом! Все еще основано на реальных событиях! Зоя Анишкина, Катя Упс и Нино Меладзе – псевдонимы Анастасии Максимовой.

Содержание

Глава 1. Маша Копылова	4
Глава 2. Семен Семеныч	10
Глава 3. Изворотов Андрей	16
Глава 4. Копылова Маша	22
Глава 5. Диана Белозерова	29
Глава 6. Настя Маркевиченко	35
Глава 7. Васильев	42
Глава 8. Диана Белозерова	48
Глава 9. Олег Макаров	55
Глава 10. Алена Иванова	61
Глава 11. Маша Копылова	67
Глава 12. Андрей Изворотов	74
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Максимова Анастасия

Курсанты – 2

Глава 1. Маша Копылова

– Давай свои сумки, путешественница.

Максим возник в проходе, едва проводница спустила ступеньки. Я покраснела. Внутри все рвалось к нему, так как после месяца разлуки я очень соскучилась. Хотелось... Много всего хотелось. Я снова покраснела.

– В институт?

Снова кивнула. Мы, наверное, со стороны напоминали парочку старых супругов. Да вот только проблемы были не такие уж соответствующие случаю. Скорее как у молодых студентов, что никак не могут притереться.

Выпускной прошел, мой первый курс тоже подошел к концу. В тот вечер мои планы не осуществились, их попросту некому было претворять в жизнь. Я понимала. Правда.

Но зато наутро... Наутро Максим оклемался и уж тогда-то на полную припомнил мне мой откровенный образ. Так я стала женщиной. Это больно, стеснительно, но потом я была зацелована во всех местах, а его горящие восхищением глаза сгладили неприятные ощущения.

Вечером, за сутки до моего отъезда, я оказалась в сказке. Сказке из ужина в ресторане, лепестков роз и свечей, расставленных по его квартире... Я могла бы поклясться, что видела Лешку, что перед нашим возвращением улепетывал из подъезда.

Я даже забыла про институт, что довольно сложно само по себе. Особенно когда надо решить кучу вопросов, забрать отпускное, обсудить вопрос с переселением в новую комнату. Кстати о последнем...

– Я ищу квартиру нам поближе, чтобы тебе до института было недалеко, да и мне до работы. Хочешь, буду предложения и впечатления скидывать? А еще давай сладим билеты, и ты на пару дней удержишься? Вместе выберем?

Я тогда удивленно задрала голову. Нет, я понимала, что новый уровень отношений, он как бы... Ну, новый. Но жить вдвоем я пока не хотела. Поэтому сдуру ляпнула, не подумав:

– Я, если уеду из общежития, меня потом обратно не пустят.

Это была наша первая ссора. И сейчас, глядя, как он спокойно несет мои сумки, не говоря ни слова, я искусала все губы. Максим тогда жутко разозлился. Спросил, как долго я собираюсь с ним встречаться, если уже уверена, что потом в общагу надо будет возвращаться.

А еще как бы между прочим уточнил:

– Вот сколько у вас на отчисление сейчас стоит за сессию?

– При чем здесь это? Двое!

Он смотрел на меня спокойно, но я ощущала, как он злится. Я не хотела высказывать недоверие, но боялась. Боялась, учитывая его послужной список. Как бы со мной ни было серьезно, что бы он ни говорил – я не имела права на такой риск. Я не потяну квартиру в случае чего.

– Притом, Маша. Ты вернешься, а их может не быть. Ты вернешься, а одного точно отчислят. Как думаешь, каждый из них знал, чем дело кончится?

– Они сдадут!

У меня сердце колотилось как бешеное. Ни Сема, ни Антон не заслужили отчисления. И при чем здесь наши отношения? Максим словно читал мои мысли, ответил:

– Время покажет. Мы так приехали из отпуска и из пятерых не досчитались трех. В том числе одного отличника. Живи сейчас, Маша, и я тебе обещаю, что если так случится, что мы перестанем быть вместе, – его аж перекорежило на этой фразе, – то я решу вопрос с твоей общагой.

Я тогда кивнула, но уйти к нему в новую, чистую двушку не решилась. Замяла этот вопрос, и вот сейчас он встал снова. Незримо без озвучивания вслух. Но напряжение читалось в воздухе. И вот сейчас, спустя месяц, новый вопрос по старой теме:

– Как ваши несдавшие?

Он приобнял меня, запуская приятное томление по телу. Я так поняла, измором брать будет. Поэтому и молчит. Лю-

бил Максим не просить, а решать вопрос мягким давлением.

Когда ты сама себя чувствовала не в своей тарелке, пока не согласишься с ним. Тем не менее я ответила на вопрос:

– Василек сдал, а от Семы никаких новостей. Ребята пытались дозвониться, но он как сквозь землю провалился. Начальники курса из принципа молчат.

– Да ладно, у вас же дети сотрудников учатся, как минимум дочка чья-то из тыла и начальника столовой.

Пожала плечами. Это после выпускного в суши-баре все были сплоченными, потом слезно провожали на поезда неместных, таких как я. В этом городе не имелось аэропорта, только поезда да машины.

Ну вот, как все разъехались, как раз Белозерова пропала с радаров первой. Говорят, она в Испанию укатила с родителями на три недели. Где Настя Маркевиченко, не знала, у нее мама в отпуске была, а звонить спрашивать не хотела. Не до наших курсантских переживаний той.

– Они не смогли узнать.

– Или не захотели, в любом случае скоро будешь в курсе. Завтра же построение у вас после отпуска?

Кивнула. Да, завтра. Нам уже все разослали, указания дали. Пока без формы, так, чисто наличие личного состава глянуть. Двадцать девятое августа как-никак. Мало ли кто потерялся.

У нас в институте иностранцы учились. Ну там, Монголия, Таджикистан. Так они иногда приезжали на две недели

позже. Нас бы давно и за пару часов прогула отчислили, а их не могли...

– Я тогда позвоню тебе, с построения заберу, и на большую часть дня ничего, кроме меня, не планирую.

Он сжал меня за талию. Так многообещающе, что мурашки строем прошлись по спине. Под славянку как будто. Такие сравнения навели меня на мысль, что я все-таки соскучилась по учебе.

Хоть подобные чувства и казались весьма неожиданными. По крайней мере, я с Аленой списывалась, и та вот вообще ни разу не горела желанием возвращаться из отпуска сюда. Говорила, что у нее такого отвращения к чему-либо никогда не наблюдалось.

С парнями не общалась, но догадывалась, что, возможно, все то же. Даже интересно было. Вообще любопытство, что же там дальше, пересиливало многие моменты. И позволяло отвлечься от горьких мыслей про размолвку с любимым.

Максим отвез меня в институт. Напоследок сказал, где и как его ждать завтра. С ним на КПП поздоровались, но дальше не пустили. Больше нет, теперь он не с нами, не институтский.

Он сказал, чтобы какой-то курсант донес мои сумки. Это вроде со второго факультета из нашего потока. Тоже второкурсники. Они глазами похлопали, но отказать не успели.

И вот я уже иду по родным коридорам. Когда сидишь тут едва ли не двадцать четыре на семь, волей-неволей проника-

ешься моментом. Становишься местной, привыкаешь.

Хотелось тут же на курс пойти, но одернула себя. Еще успею. Думать о том, что Сема не сдал, не хотелось. Верила в него и его четыре попадания. Остальное у парня получалось шикарно!

Ну да следующий день все по местам расставит. Увижу ребят, снова сяду за свою парту. Кто теперь будет рядом? Алена, Настя? Мне кажется, мы теперь немного другие и готовые к новой главе нашей жизни.

Ну что, второй курс, вперед!

Глава 2. Семен Семеныч

– Баянист! А я уже думал, нам какого-то додика поделят!

– Ага, или суворовца.

– Да хорош уже про суворовцев!

Олег и Василек воскликнули одновременно, но в целом я был доволен, когда заходил в кубрик. Парни уже раскладывали вещи, но прервались, чтобы подать мне руку.

Я видел, что они были искренне рады меня видеть, хоть Сохин и пытался выпендриваться. А это, вообще-то, моя стезя! Я сам хотел заявиться после поезда, эффектно. Чтобы все понервничали.

Но вышло так, что чуть пенделей не получил от Михалыча на КПП. Я его как увидел, сразу попятился и рванул в обратную сторону. Но время поджимало, да и, как всегда, мимо этого старого сыча не проскочишь.

– Курсант Иванов, а вас что, не отчислили еще? Так вы постоите пару минут там, попрячьтесь, и мы шустро исправим это досадное недоразумение.

Чтоб ему пусто было и колеса посдувались все на фургончике. Вот пришлось, поджав хвост, мчать скорее через КПП, а там все настроение на фееричное возвращение улетучилось. Примерно полностью.

– Вам бы все хихоньки да хахоньки, а я так-то реально

чуть не попал!

– Кстати, да, расскажи-ка про свою комиссию. Ты ж как партизан, даже на звонки не отвечал. Между прочим, по-свински так поступать, Сема.

Извороты был прав, и даже внутри шевельнулось что-то по типу совести. Я совсем не то имел в виду, когда устраивал режим молчания. Вот от слова совсем.

– Парни, да связи не было...

На меня с сомнением и даже некоторым пренебрежением уставились пять пар глаз. Вот, как назло, все тут были. Даже Ахундов. Он, к слову, посправнел, что ли. Возмужал и даже... Мои глаза расширились.

– Рустем, это то, о чем я думаю?

– Ты тему-то не переводи, баянист. Что, кишка тонка признаться...

– Да я о кольце! Он женился, что ли?! – воскликнул я.

Все как по команде обернулись к дагестанцу. Тот выпятил грунт колесом и даже не думал прятаться. Напротив, гневно, предупреждающе сверкнул глазами.

– Фига себе новости, проставляться хоть думаешь?

Демократ в лице Олега сразу сменил градус общения. Я так офигел, что напрочь забыл, что собирался в красках поведать парням свою историю сдачи зачета комиссионно. Там такое было...

Но сейчас пальма первенства по событию отпуска плавно перекочевала к Рустему. Тот сбивчиво, но с каким-то совер-

шенно новым упрямством и упорством рассказал, что женился.

Точнее, родители его женили, так как он теперь выгодная партия, образованный и перспективный парень. Невесту тоже ему подобрали они. Совсем молоденькую, как мы поняли, тихую, богобоязненную.

Фото даже было. Со свадьбы. Тут даже мы прихренели. Это ж надо так, он реально выглядел другим! В национальной одежде, гордый, с милой, выглядывавшей из-под полупущенных ресниц девушкой в платье.

– Ну что сказать, поздравляем! Ты теперь ответственный муж!

...И мужчина. Но это повисло в воздухе. Хотя, может, смысл этого угадал только я. За себя обидно стало. Это до сколько же мне лет девственником ходить?! Покраснел как рак.

– Сема, ты чего злишься? И про тебя послушаем, но тут сам виноват! Хотя хвалю, такое заприметил, прям прогресс. Так-то обычно, кроме себя любимого, ничего не видишь.

Сохин иногда так говорил... Я б ему в одно место засунул его слова. И чего все с ним так носятся, мол, такой крутой он весь и все такое. Чего лезет куда не просят? Обиженно вздернул подбородок и, буркнув: «Мне надо отойти», – пошел отсюда.

Еще чего, такие новости. Мне не хотелось ничего от слова совсем, даже рассказывать про себя. Вот все настроение

испортил. Что он, что Михалыч со своими придирками. Две минуты на КПП подождать не мог!

Я вышел из кубрика и побрел по взлетке. Вокруг была суета, многие здоровались и поздравляли с возвращением. Будто я с того света прибыл! Я же рассуждал...

С учебой у меня все в порядке. В этом институте реально только тупой проблемы с ней имеет, а вот с личной жизнью не особо ладилось. Надо бы наметить цель и идти к ней семимильными шагами. Точно! Через баян!

Вспомнилась та сама девушка с концерта, что с Литвиным пела. Так, так, так... Она ж пятикурсница теперь? Младший лейтенант. Отлично! Вот ее-то и будем окучивать.

Она же наверняка будет приходить на репетиции. Да и вообще, свято место пусто не бывает, поэтому самое время в юридическом институте взойти новой звезде! Почему бы ею не стать мне? Решено!

Вот на репетициях, а потом уходить можно будет пораньше, так как отличник, хотя зачет этот был... Надо бы посвятить много времени данному вопросу...

– Иванов, ты-то мне и нужен!

Мои наполеоновские планы по покорению юридического института собственной персоной были прерваны Симоном. Его загорелое после отпуска лицо сияло, как белые камни в туалете (унитазы то есть) после ПХД. Не к добру...

– Слушаю, товарищ майор.

Меня так скучило, что стало понятно, я уже заранее по-

нял всю тщетность бытия. Симон засмеялся, он похлопал меня по плечу, чем еще раз ввел в состояние ступора. Так сказать „глубоко, с толком, с расстановкой“.

– Да ты не делай лицо как полковник в отставке, не переживай, это просто новости о пяти нарядах. Вне очереди. Пойди Сохину сообщи сие указание.

И стоит смотрит в упор. Реакции ждет. А у меня ощущение вселенского трындеца наступает. Как так-то? Какого хрена вообще происходит? Я же только зашел... И тут я ка-а-ак понял. Плечи мои поникли, и я зло спросил:

– Михалыч?

Нет. Я когда-нибудь его прибью. Чесслово! Ну ни в какие ворота не лезет. Я только зашел, шагу не успел сделать! Внутри горечь превращалась в обиду и злость. Да что за день-то такой сегодня!

Симон посмотрел на меня с недовольным прищуром. Сразу нахмурился и вкрадчиво так, с подозрением произнес:

– Та-а-ак, а с Михалычем-то ты когда успел пересечься? Сема, етить твою козу налево, ты вообще можешь без приключений?

Я завис. Ничего не понятно! Переспросил:

– Разве мне не Михалыч дал наряды вне очереди?

– Да нет, конечно, когда бы он успел, он вообще в отпуске сегодня еще должен быть! Хотя ты, судя по всему, все равно нашел способ с ним пересечься.

– Тогда кто дал мне наряды, если не он?

Симон начинал злиться. Это можно было понять по ноздрям раздувающимся. Он упер руки в боки и прикрикнул:

– Я! У нас традиция такая, всех, кто на комиссию был выведен и сдал, наряды давать по пять штук вне очереди. Пропорционально количеству комиссий.

Ну вот. Приехали. Стало даже немного стыдно за все эти мысли про Михалыча. Оказывается...

– Эх, Семен Семеныч, а я-то думал, что после комиссии у тебя мозги на место встанут. Но, судя по всему, долбо... Мотив из тебя неискореним.

Насупился. Зло посмотрел на начальника курса, гадал, чем руководствуются люди, придумывая такие правила. Тупые, между прочим! Но Симона отпустило, и он, осознав, что угроза в виде залета от Михалыча миновала, весело сказал:

– Ну давай, Сема, вперед! У тебя второй курс на носу, так что дуй, начинай его. С музыкой...

И товарищ майор заржал, отправляя меня обратно к Сохину...

Глава 3. Изворотов Андрей

– Макар, снаряд же в одну дырку не падает, верно?

Я покосился на ставшую до боли привычной тарелку с ужином. В столовой сегодня было до странного тихо. Наш курс вяло ковырял еду в тарелках. словно в насмешку сегодня было то же блюдо, что и год назад.

– Снаряд не знаю, а вот, судя по всему, женитьба пошла Рустэму на пользу.

Мы как по команде всем столом повернулись в сторону, где под ошалевшим взглядом Василька наш дагестанец с видом бывалого бойца уплетал ужин. Бессмертный. Или бесстрашный.

Одно я знал точно, теперь у него крышечку слегка сорвало, но я даже рад был за него. Замкнутый, тихий, усердный, но не понимающий и половины того, что обычно происходило, в том числе на парах, в этом году у него наклеивался явный прогресс.

– Мне мама говорила, это психическая травма. – Застонали за соседним столиком, отодвигая амброзию, что сегодня на ужин.

– Психическая? Я в том году с толчка три дня не слезал! Мне скорую вызывали даже. Очень даже физическая была травма!

Командир второй группы тоже отодвинул от себя еду. Первый курс справа, испуганные и немного удивленные с подозрением смотрели на наши тарелки. Неужели мы так же выглядели год назад? Тогда понятно, чего из каждого угла нас слонами назвали.

Реально как тщедушные школьники. Зашуганные такие, совсем сжавшиеся. Им еще командир достался с пятого курса на втором факультете – просто зверь. Он поначалу всегда своих страшит так, что слоновьи уши сами вырастают.

Вообще, это прозвище появилось сто лет назад. И пошло оно от старых противогозов. Они были с длинными такими трубками-хоботами и на конце уже лепешка, очищающий элемент.

Так и пошло. И вот теперь у меня язык чесался назвать лопоухих ребят за два стола от нас так же. Правда, Макар бы мне прописал тогда. Не хотелось его злить. Мистер Справедливость. Хотя пошутить я был не против. Над нами стебались, а почему мы не можем? Потому что Сохин правильный такой?

Он вообще после того случая в клубе по-другому стал ко мне относиться. А я что? Неужели никто никогда не ошибался? Ну заигрался я, слишком увлекся. Да еще потом и разборки с отцом.

– Да он просто завидует, Андрюх. Бухой Сохин – это самое скучное, что может быть. Сам знаешь.

Диана, после того как мы посидели в суши-баре по окон-

чании выпуска, пошла со мной домой вместе, и мы хорошо поговорили. Душевно. Поначалу. Она первая заметила, что к нам присосался Олег, первая завела разговор про все это. Первая посочувствовала и сказала, что проблема не во мне.

Я правда не мог понять, чего так долго злился. Полгода почти прошло, а Сохин так и не сменил отношения. Я думал после отпуска остынет. Неужели он не мог понять меня?

С моим папашкой я использовал каждую секунду своей жизни. Точнее, без него. Хотя в последнее время у него не было для меня времени, не было его для того, чтобы портить мне жизнь.

Внезапно воспитание отошло на второй план на фоне проблем с новым руководством. Там вообще темная история, но начальник факультета нашего, что недавно назначен был, совсем зверь.

– Есть вообще не будем?

Устало посмотрел на Макара. Тот переглянулся с Олегом, что несказанно меня взбесило. Оба они отодвинули тарелки, а суворовец сказал:

– Что-то есть не хочется.

– Вообще-то, я не у тебя спрашивал.

Я знал, что грублю, но ничего не мог с собой поделать. Это было сильнее меня в данный момент. Раздражение, напряжение накопились в отпуске в таких количествах, что стало дурно. Макар напрягся и попытался перевести в шутку:

– Андрюх, ты там в отпуске перегрелся? Чего напряжен-

ный такой?

Но я не был настроен еще и очковать из-за столовки. Но правда, этот снаряд в одну лунку не падает! Что мы тут сидим как слоны? Взял ложку.

Может, поем – и легче станет. Говорят же, что сытый мужик – довольный мужик. Стал молча набивать рот. Как всегда, вроде вкусно, но жирно капец! Ребята последовали моему примеру через пару минут, и в столовой воцарилась привычная какофония стучания ложек о тарелки.

– Все-таки поели? Молодцы. А то сдуру бы голодные ходили.

Николяша, как всегда, был румян и весел. Стоял на выходе, ожидая нас, с непонятым выражением на лице оглядывая свой второй уже курс. Этого парня не брало ничего. Ему тогда влетело из-за меня по первое число. Я даже извиняться ходил, но он лишь отмахнулся. Сказал:

– Товарищ курсант, я знал, на что шел, и, вообще-то, мне не семнадцать лет. Я прекрасно осознаю возможные последствия и понимаю, чем мои действия могут грозить. Ничего, со временем и вы дойдете до этого.

Тогда я обиделся. Все-таки не ему меня отчитывать. Я, вообще-то, извиняться пришел. Да и, положив руку на сердце, мое спокойствие и первоначальный настрой на обучение окончательно смыло в унитаз к концу первого года.

Вначале я сам себе казался старше, а потом сдал. Сам понимал это, но пока справиться не мог. Сказал Макару на под-

ходе к корпусу:

– Сходишь со мной в курилку?

Тот отрицательно покачал головой. Задумчивый, странный какой-то. Приехал из дома и даже не распаковал вещи. Так, сумку расстегнул, словно надеялся, что не надо будет оставаться.

– Олега позови.

Теперь Сохин сверкнул глазами, наблюдая реакцию. А я назло и сморозил:

– Макаров, пошли в курилку!

Тот если и удивился, то виду не подал. Кивнул, чем тоже меня знатно удивил. Пришлось идти. Как назло, народу еще было совсем мало. Ошалевший, еще запуганный первый курс да с десятков ребят с казармы.

Мы встали рядом с заплыванными урнами, шмонавшими так, что иногда хотелось просто воздуха. Достали гадость и встали напротив друг друга. Напоминало дуэль реально. Я даже усмехнулся. Олег же, не глядя на меня, спросил:

– Андрюх, что с Макаром?

Признаться, не ожидал я такого вопроса. Что я, Дианка, что ли, что помимо нормального разговора, мне весь мозг вынесла своими сплетнями бабскими. Кто с кем спит, кто не спит, Копылова, Копылова, Копылова...

– А что с ним не так?

Вот с кем я откровенничать не хотел о Сохине, так это с Олегом. Суворовец, что с него взять. Но тот не сдавался:

– Да он сам не свой приехал из дома, будто что-то случилось. Я у него напрямую спрашивал, но он молчит. Что с Катей его?

Я резко затушил окурок. С Катей? Он-то откуда знает? Думал, что Макар никому больше не рассказал про свою жизнь. Да даже мне до конца он не поведал о том, почему оказался тут после двух курсов института. Причем его откуда не отчисляли.

Знаю только, что Катя какая-то замешана. Причем узнал случайно. Увидел, как он смотрел на какую-то девушку в клубе, когда отдыхали с ним в родном городе. Я спросил, кто это. Сохин ответил просто: Катя. Но все понятно было.

Поэтому сейчас наличие таких знаний у Макарова просто взорвало мой мозг. Что друг ему рассказал? Почему не мне? И Катя разве его? Тут захотелось осведомленность показать, поэтому я выплеснул ему, разворачиваясь:

– Не его она, и, судя по всему, давно. Похоже, с того самого момента, как он здесь.

И я развернулся, оставляя Олега нюхать ароматы ванили в гордом одиночестве. Как-то так. Второй курс, мать его. Начался. Надеюсь, завтра хоть не отравимся чем, как в прошлом году. Хоть поспорил бы, что из меня уже лезет...

Глава 4. Копылова Маша

Так странно было стоять тут, в строю, на первое сентября. На этот раз наш курс пришел почти что в полном составе и расположился уже не с краю знаменитым «бабским взводом». Нас в том году преподаватели долго так называли.

Особенно учитывая, что у нас действительно был невиданный по меркам юридического перекося в сторону девушек. Аж пятьдесят на пятьдесят. Посмотрела вперед.

Я стояла в строю не в первой шеренге. Куда мне с таким ростом подобная роскошь. Роскошь, потому что, как правило, в середине строя идти было не так удобно. То на пятки наступали, то ты кому-то отдавливала. Зато спокойно.

Частенько бывало, что Михалыч лицезрел в первых рядах нарушительниц. То резинка на волосах не того цвета (не того – это любого не черного), то серьги длинные.

Еще в топе выхватывал ногти покрашенные или наращенные, хвосты вместо гулек. Ну и список периодически пополнялся. Сейчас вот в середине строя каланчой стояла Фальцева.

У нее туфли забраковали, Симон пол-утра орал, куда она смотрела с таким носом острым почитать. Мол, второй курс еще не означает, что можно наглеть. Под раздачу попала и легендарная сумка Дианы.

Почему легендарная, так Михалыч ее уже с ней ловил раз пять, а та упрямо носила в ней вещи. Надо было, мол, с уставным квадратным чемоданом ходить, что мы закупили на первом курсе по две тысячи рублей централизованно.

Но даже я его забросила. Он тяжелый, неудобный и обтрепался порядком. Оно и понятно, за такие деньги. Теперь у меня была внешне похожая, но маленькая сумка-чемодан. Мне Максим ее подарил, как встретил как-то в коридоре, пока чинила в сто пятьсотый раз отвалившуюся ручку.

Макс... Вот кого не хватало. Я тяжело вздохнула. Алена справа сказала, вытаскивая меня из мыслей:

– Никогда не думала, что скажу это, Копылова, но мне не хватает Литвина. Эти все остальные поют из рук вон плохо.

Улыбнулась ей. Еще один карандух на страже последних шеренг. Обсуждать своего парня мне не очень хотелось, тем более что сердце ныло после размолвки и похолодания в наших отношениях. Даже несмотря на горячую ночь недавно.

Щеки покрыл румянец, и, чтобы отвлечься, я сказала:

– Да, если честно, без него и этого его друга в стиле нашего Семы институт какой-то другой.

– Ой, да ладно, без того красавчика-кобеля, что пометил половину дам нашей шарашки, дышать хоть и не так красиво, но все же спокойнее.

Мы засмеялись. Сбоку слышались тоже смешки, и так как-то незаметно разговор приобрел совсем развязные нотки:

– А я вот была бы не против с ним замутить! Там такое рассказывали... Хоть ненадолго, но чтобы сказка пришла и в мою жизнь, с ресторанами и покатушками на тачке, и качественным...

– Тань, да ладно! Там же на месяц максимум!

– А то и неделю... Считай, ставку можно делать. Зато сама на себе заработать можешь.

И снова взрыв смеха. Даже я не удержалась. За этот год девчонки многие раскрепостились, уже встречались с однокурсниками и даже одноклассниками. Несколько умудрились расстаться даже: только нас миновала эта участь. Пока. В нашей группе пар не было.

– Да ладно, Машка же смогла, как тот паровозик, значит, и мы смогли бы!

И снова взрыв хохота, а я покраснела. Наверное, я никогда не научусь держать себя в руках, когда меня обсуждают. Спереди раздался «шепот» Маркевиченко на весь строй:

– Да просто Машка достоинство Литвина на всю курилку не обсуждала, как и умение им пользоваться.

Этот взрыв хохота накрыл весь строй. Даже я не удержалась, потому что в том году под конец семестра был жуткий скандал, когда одна из особо отзывчивых дам в третьей группе переспала с одним из звезд нашего института, а потом, решив отличиться, скорее всего, на всю курилку стала обсуждать...

Ну да, подробности произошедшей ночи с таким искрен-

ним возмущением. Мол, она-то рассчитывала получить жеребца с потрясающими данными, а не ослика Иа с «хвостиком».

Это был скандал века, и я, хоть раньше краснела как рак при всяких таких подробностях, теперь хохотала вместе со всеми. Парня с тех пор того так и зовут, осликом...

– Дамы, вы место не попутали? Совсем сдурели! Сейчас строевую вечернюю устрою. Там как раз наговоритесь. Часа за два.

Груша возник как черт из табакерки, и веселье стихло. Его очаги все еще отзывались приглушенными разговорами, кто с кем и о чем. Раньше я бы краснела и бледнела от подобного обсуждения, но сейчас как-то привыкла. Это не значит, что пойду в курилку сплетничать, но зажиматься при подобных разговорах точно не стану.

– Маш, ну послушай, это же кошмар...

Алена застонала, поправляя пилотку. Сегодня было жарковато для первого сентября, но мы не жаловались. Горячо не холодно! Но в кителях придется попотеть...

По большому плацу разносилось:

– Любимый юридический, строка в моей судьбе! Значок академический на память о тебе-е-е...

Гимн института такой себе. Но, когда его исполнял Максим, я заслушивалась, а вот сейчас он словно потерял лоск. Вздохнула. Мне бы ему написать сегодня. Если строевую не назначат...

Он звал с ночевкой, а я уже понимала, что это жутко неудобно и мне вставать рано. Квартиру он снял большую и светлую, я бы и сама такую выбрала, но тем не менее была приятно удивлена.

Переезжать туда-сюда, таскать конспекты... Короче, Литвин меня решил измором взять. А я все боялась. Вот как так? Второй курс, мне об учебе надо думать, а еще быть осторожной.

Теперь Максима нет, и просить за меня некому. Все же никто не застрахован от того, что со мной приключилось. Может и повториться. Хотя сомневаюсь, что от сестер Волобуевых.

– Равня-я-яйсь! Смирно! Командирам приготовиться к торжественному маршу...

– Ну наконец-то!

Алена взбодрилась. Ну да, мы уже застоялись. Пока торжественное, ключ, выступления гостей да концерт. И только через полтора часа вот... Пошли строем.

После отпуска было немного непривычно. Все-таки переключаешься знатно. Хоть я и думала все время не об учебе и точно не о строевой. Парни говорили, что теперь нас так мучать ею не будут.

Как выражался Василек:

– Задрачивать первый курс, команда, нас же теперь будут по учебе больше. Так старшекурсники рассказывали.

Все на этом моменте застонали, что, мол, куда уж больше.

И так... Хотя мне учиться было легко и в радость. Еще бы преподаватели попались адекватные. А то будут как мистер Сонное Царство.

Или как отец Изворотова. Но его предмет вроде кончился. Теперь там другие по кафедре будут, и вроде как не он их ведет. Не хотела смотреть, как над Андреем издеваются.

Столько всего впереди! У меня голова кругом. Как все успеть? И учеба, и из клуба звонили, уже на репетиции звали, и Максим. Особенно Максим. Какое счастье, что он тоже тут учился и понимает все тяготы и лишения службы.

А то был бы простым студентом и у виска крутил, слушая про наш распорядок. Вообще не понимаю, как девочки с гражданскими встречаются. Хотя это редко. У нас в приоритете курсанты. Наши и военные, их академия по соседству с нашей находится.

Девчонки уже все уши прожужжали про местные дискотеки. Там парням руководство устраивало, и наши дамы туда уже собрались. Чисто из любительского интереса... Конечно же.

Строй двинулся. Мы прошли строго по периметру, повернули налево. Спокойно промаршировали перед руководством после звонкого «И-и-и раз!». А потом встали на свои места, чтобы услышать знакомое:

– Вольно! Начальникам курсов развести личный состав по местам проведения занятий.

Тут же начался гул, все расслабились и заулыбались. Что-

бы потом услышать громогласный вопрос Симона:

– Ну что, дамы, а теперь обсудим что такое веселое и кто рассказывал, а?

Я прикусила губу от досады. Походу, начались курсантские выебудни. Надо написать Максу, что у нас как всегда...

Глава 5. Диана Белозерова

– Это нечестно! В том году второй курс во-о-от с такими ногтями ходил, и ничего. А мне за сумку влетает снова!

Я искренне негодовала. Казалось бы, уже не слоны, не желторотики, прошли Крым и Рым! А все туда же. Никаких послаблений. Михалыч по утрам как стоял у КПП, так и стоит.

– Да просто твоя сумка как красная тряпка для всех уже. Ты бы хоть на неделю уставной чемодан достала. А вот я туфли не просто так сменила. Не могу я в уставных ходить! У меня ноги от них в кровь!

Фальцева дюже разговорчивая стала. Раньше молчала как рыба, а теперь вот к коллективу приобщается. Это все стенгазеты. Все места первые мы забираем, Макар даже отходить стал, что-то вроде арт-терапии. Может, самой попробовать?

– Дамы, да забудьте вы уже про этот миф. Пока в этом месте работает Михалыч, не видать нам маникюра, как Васильку красного диплома.

Волбуева подвела черту под нашим спором росчерком пера. Вернее, подначиванием Васильева. Он как-то имел неосторожность сказать, что хотел бы красный диплом. Ну вот она чего-то и привязалась к нему.

– Между прочим, Вика. За меня на экзамены не ходят

просить, как за некоторых. И вообще, две тройки на пятом курсе пересдать можно!

Учитывая, что у Вики была своя тройка с первой сессии по истории государства и права зарубежных стран, звучало странно. Но Василек вообще не умел реагировать спокойно на ее подколки.

Кстати о его экзамене. Кажется, я единственная, кто не слышал эту увлекательную историю. Поэтому посмотрела на парня, сделала глазки-блюдца и спросила:

– Василек, расскажи, как сдавал, а?

Он закатил глаза, но я знала, что не откажет. Очень уж он любил всем об этом трепать, но я так и не попала под раздачу ни разу. Многие в группе закатили глаза. Ну извиняйте. Я же положила лицо на кулачки. Мол, внимаю!

– Как-как, у меня была пересдача простая. Окуляр сидел, протирал очки свои в сто диоптрий.

Ну да, препод по информатике у нас был из каменного века. Из каменного века с фетишем по ЭВМ и дискетам. В годы, когда в ходу флешки и диски CD-RW, он получал маниакальное удовольствие от лицезрения курсантов, пытающихся найти дисковод.

– Ну я билет вытащил, а он, представляете, такой же! Вот у меня радости было. Я все боялся, что он спалит контору.

– Да он в этих своих очках только экраны и видит.

– Немудрено, они толщиной пару сантиметров.

– Ага, говорят, Милана из третьей группы ему их на экза-

мене протереть предложила. Вот он ей пятерку и поставил!

– Милана? Это та, которая запихнула дискету в дорожный дисковод пишущий, ну тот, что один на кафедре? Я думал, ей там бирку повесили, к компам не подпускать!

Хор голосов и ржач с задних парт перебил рассказ, но Василек оказался вполне себе не против. Он, наоборот, поддержал историю про эту Милану, тупую как пробка, судя по рассказам.

Дальше разговор пошел вокруг баек про контру. Мне стало неинтересно, и я махнула рукой. Ну не фанатка я компьютерных игр. Хоть с преподавателями, хоть с кем.

Обернулась к Вике:

– Когда в клуб пойдем?

Та неопределенно пожала плечами. Ах, ну да, мы теперь без сестры планы не строим. Небось, опять у них перемирие нарисовалось. Целый курс за ними наблюдаю и удивляюсь, как вообще в одной семье могло появиться два таких разных ребенка.

– Не знаю, надо в учебу влиться. Три дня по три лекции мой мозг воспринял критически. Вечером вчера в девять вырубил аж. Перегрев по всем программам.

– Ну, хоть информатики теперь нет.

– И логики!

Тут даже Фальцева встрепенулась. Было у нас такое испытание на первом курсе. Логика. Даже не так... ЛОГИКА. Препод классный. Эдакий пофигист, который всем все по-

ставил, всем все дал списать на экзамене, но то какие это мучения были...

И вот вроде, когда он говорил, все понятно. Чего тут непонятного? Логический квадрат, умозаключения эти самые, но как только голубые глаза впивались в курсантов в поисках ответа...

У меня иногда складывалось впечатление, что он считает нас всех крайне тупыми и прекрасно понимает, что мы, в отличие от него, не понимаем ни черта. Наверно, он внутренне ржал над нашими тщетными попытками хоть как-то объяснить, что происходит.

– Зато профильные предметы пошли! Как вам уголовка?

Про уголовку в нашем институте ходили легенды. Из-за одного преподавателя. Того обожали все. Рассказывали, что на его пары народ ходит даже при смерти, ибо он шикарен, но...

Нам достался не он. Нам досталась странная довольно старая преподавательница со сморщенной кожей и вечно кислым лицом. Она какая-то тут гражданская заслуженная суперпрофессорша. Но я чуть не уснула на ее лекции. Уныло ответила:

– Ничего скучнее в своей жизни не видела. Почему у нас не Синичкин?

– Наверное, потому, что он не может разорваться на сто групп. Он ведет у курсов постарше.

Олег Макаров меня раздражал. Вечно спокойный, такой,

блин, в каждой бочке затычка. С Макаром вон сдружился, но, судя по всему, никак не мог найти общий язык с Андрюхой.

То-то и оно, что нефиг было лезть к ним. Я Изворотова понимала как никого. Только совсем туповатые станут лезть разбивать устоявшуюся парочку и компанию. А ему там были не рады, тем более что он явно воспользовался тем, что Андрей тогда напился.

– А я не тебя спрашивала!

Огрызнулась, насупилась, сама себя разозлила. Ну невозможно просто! Бред какой-то. Все совсем с ума посходили.

Пока я раздражалась, в аудиторию зашла задумчивая Копылова. Вот кто вообще хорошо устроился. Сразу видно, что к хорошему она привыкла быстро. Надеюсь, Литвин ее не кинет, эти страдания выдерживать будет сложно.

– Давайте лучше к семинару готовиться. По уголовке она столько задала, что у меня мозг пухнет.

Вика застонала и положила голову на парту. Здесь я была с ней согласна. Но не успела поддержать тему, как из коридора раздались звуки баяна. Аудитория на мгновение зависла, пока Макар не выдал:

– Твою мать, обещал же Симон ему на самоподготовке баян не выдавать!

И нашего командира можно было понять. Как бы хорошо Сема ни играл, он играл слишком часто. Вот и сейчас уже приевшаяся мелодия снова ударила аккордами по нер-

вам. Ну правда, издевательство же!

Василек приложил к губам палец и прокрался на вход. Мы наострили уши и тихо-тихо замерли. Только со стороны раздалось негромкое Андрюхино: «Баян не разбей!». Все застыли в ожидании.

И вот звуки музыки приближались, пока не показался край баяна, а за ним Семен собственной персоной. Но не успел он и шагу сделать, как наткнулся на стул, поставленный Васильком в последний момент.

Баян дернулся вперед, утягивая за собой Сему. Василек поймал его, а баянист повис в воздухе как рыбка, пойманная. Но... Видно, баян был старый. Раздался треск, и вот одна из лямок рвется, а Семен Семеныч с громкими матами летит вниз. Немая сцена, порванный баян и дикий ржач.

Сама смеялась до слез. Давно так не было весело, особенно учитывая, что баянист у нас и так всеинститутская звезда. Эх! Надеюсь, второй курс нам приготовит еще немало таких моментов, а Иванов не станет играть у меня над ухом свои хиты.

Глава 6. Настя Маркевиченко

– Пошли, дамы. Покажу вам вашу новую аудиторию.

Груша был просто прекрасен в своей интриганской манере. Он собрал меня, Копылову, Иванову, Белозерову и Фальцеву. Хорошо хоть, додумался Волобуеву не включать в эту бригаду. Из парней нам тоже достались едва ли не самые сливки: Василек, дагестанец, Олег Макаров да Егор с баянистом.

Остальная часть группы отправилась с Николяшей, что своим позитивом вводил их в ступор. Про новую территорию уже вторую неделю говорили, а пока мы продолжали убирать аудитории. Ждали, пока нас сменит первый курс.

Признаюсь, мы были в печали. Потому лекционные залы, что нам достались, вообще кайфово приводить в порядок. Мы по две девчонки делились, а на ПХД все вместе приходили. Одна подметает, вторая моет, и на этом все.

– Лишь бы не туалеты!

Диана повторяла это как мантру, пока мы выходили из корпуса. Первое сентября давно прошло, поэтому на нас красовалась все та же полевка и берцы. Я была согласна на туалет, лишь бы сменить эту адскую обувь.

– Лишь бы не взлетка первого этажа основного корпуса!

Олег был более прагматичен, и я, пожалуй, с ним бы со-

гласилась. Все-таки убирать там, где каждый день ходит руководство, – та еще задачка. Не думаю, что есть более нежеланная территория. Кроме внешки. Но там сезонность тоже не айс.

– Да мне пофиг, лишь бы не на улице метлами махать. Все теплее. А то, блин, как в песне: что мне снег, что мне зной, что мне дождик проливной...

Василек тоже был настроен оптимистично. Хотя он обычно нытик, каких поискать. Знал бы он, что мне мамка говорила... Она, кстати, все никак не унималась. Материнский инстинкт не пропьешь все же.

Кудахтала надо мной, как курица-наседка. Я думала, второй курс немного притупит ее чувства, но нет. Пока так не прокатило. Но я искренне верила, что так оно и будет.

Дальше шли молча. Спустились с третьего этажа, прошли вдоль пятого корпуса, где располагался наш курс с кубриками парней, далее через большой плац, где пара групп слонят с напряженными лицами вышагивали строевую, а потом прошли во второй корпус.

Поднялись на второй этаж, где располагалась бухгалтерия, юристы и учебный отдел. Я пару раз сюда приходила журнал брать. Мы уже повернулись было по коридору направо, как услышали радостное:

– А мы пришли. Прошу любить и жаловать: взлетка второго этажа второго корпуса. Два туалета в наличии: мужской и женский. Васильев и Макаров за мной, получим на складе

боеприпасы, так сказать. А вы пока под руководством Фальцевой изучите объект.

Груша был так весел, а вот мы не особо. Про эти туалеты ходили легенды. Тут царство тетенок из бухгалтерии, и это нечто. Запах, игнорирование просьб не кидать бумагу в туалет и прочие прелести жизни. Я передернула плечами.

За этот год я ко многому научилась относиться проще, но... Но это было жестоко.

– Надеюсь, он пошутил.

Диана стояла ни жива, ни мертва. По ее бледному лицу стало понятно, что она не то что оценивать, она даже заходить сюда не хочет. Как бы все были в курсе, что, если ей приспичит, она в служебный к отцу ходит. А там, как известно, чистота на уровне стерильности.

– Ну, территория как территория. Взлетка первого корпуса на входе действительно была бы хуже. Там Михалыч через раз лично принимает, и сдается мне, еще неизвестно, кто хуже. Он или Куропаткина.

Фальцева, как всегда, спокойно разложила все по полочкам. Ахундов стоял хмурый, но спокойный. Он вообще никак не показал, что волнуется или собирается возмущаться.

Егор молчал. Он вообще часто молчал, словно серый кардинал. Только не решал ничего. Семен был в наряде, но я уже предвкушала его реакцию. Мне почему-то казалось, что там примерно то же самое будет, что с Дианой.

Так мы и стояли, боясь сдвинуться. Чувствовалось напря-

жение. Я искренне жалела Белозерову, но смысл был спорить? Все же не такое это хорошее занятие, да и руководство не оценит. Как тут принято, и мы зазубрили как «Отче наш» за год: сказано – исполнено!

– Да ладно, тут четвертый курс убирал, меня гоняли в том году как Сидорову козу из этого туалета после пяти.

Алена тоже насупилась. Было видно, что не в восторге, но тем не менее на рожон лезть не будет. Она в этом вся, такая осторожная, хотя уверена, внутри там характер ого-го. Это стало понятно по многим показателям за прошедший год.

Пока мы ждали, рассматривала ребят. Никогда не думала, что после школы меня можно впечатлить коллективом. У нас был крутой дружный класс. Мы до сих пор списываемся, группу свою в ВК сделали, постоянно в аське на связи.

Но тут совсем другое. Я бы сказала, новый уровень доверия. Когда ты с людьми проводишь почти все свое время. Когда вы вместе едите, болеете, хотя об этом отдельно, строевой ходите по ночам и утрам...

– Может, график установим? Давайте так же по две девочки и два мальчика?

Копылова оторвалась от телефона. Она вообще в последние дни очень тихая была. Даже трояк по уголовке заработала, что для нее нонсенс. Но кикимора ее сразу невзлюбила. Прямо ужас. Я такое в последний раз видела на паре у Изворотова.

– Я не буду убираться. Нет. Даже не думайте. Я к туалету

не подойду на пушечный выстрел!

Белозерова все же решила высказать свое фи. Было не по себе от начинающейся истории девушки. Она могла. Уже бывало.

– Ага, не для того папа доченьку растил?

Васильев начинал закипать. Ну да, соглашусь, повод у него был более чем серьезный. Такой не самый приятный, ведь смысл строить из себя недотрогу. Признаюсь, со всем своим позитивом даже я начинала злиться.

Диана во всей красе уперла руки в боки. У нее волосы выбились из прически, она сверкала глазами. Полевка на ней, ушитая максимально в обlipон, едва ли не трескалась.

Тут был повод позавидовать. Так-то я к трем швеям носила по матушкиной протекции. Но... Мне сказали, что это безобразие вообще нереально сделать красивым. А вот на ней сидело круто. Она сказала, что ей мама делала.

– Отлично, тогда Белозерова сегодня с Копыловой первые.

Маша снова оторвалась от телефона и взглянула на внезапно вышедшего с лестницы Грушу. За ним шли парни с коробкой. Оттуда торчали бюджетные средства для унитаза и перчатки. Штук пять банок Пемоса. Диана застыла.

Замначальника курса, очевидно, лишь развеселился такому раскладу. Подобный поворот его точно привел в крайнюю степень удовольствия. Я давно заметила, что Груша частенько ржал над такими, как Диана.

– В общем, я указания дал, а дальше сами. Макаров, за главного. Проконтролируй тут. Как закончите, звони. Принимать буду.

И, подмигнув нам, он пошел в обратную сторону, на курс наверняка. Мы же замолчали, а я осторожно посмотрела в сторону Дианы. Та сложила руки и упрямо заявила:

– Я не стану мыть туалет! Сюда же весь институт ходит! Это самый стремный сортир из всех!

Неожиданно для нас всех из ее глаз покатались слезы. Даже я опешила. Чтобы Диана плакала... Да такого я сто лет не видела. С тех пор как на КМБ она пробежала десятку. Маша тоже растерялась, а Алена поджала губы.

Фальцева... Ну, Фальцева и есть Фальцева. Она пожала плечами и просто сказала:

– Предлагаю заменить тебя, пока ты примешь ситуацию. Все равно убираться будут все, и ты тоже. Но пока...

– Нет.

Все обернулись на Олега. Я смотрела на него во все глаза. Мне показалось, или он смотрел на Диану с толикой неприязни? Да ну нет. Он самый спокойный, самый ответственный. Даже Сохина переплюнул. Маша попытаюсь его урезонить:

– Да ладно, Олег. Пусть сегодня со мной Вероника уберется. Что тут такого. Мы потом между нами девочками все решим...

Но он отрицательно покачал головой. Посмотрел на Диа-

ну прямо, откровенно, не стесняясь ни разу. Произнес:

– Потом еще спасибо скажешь. Поверь, через год ты тут убираться одной левой станешь, и ничто тебя в этой жизни уже не смутит. Не станешь мыть с Машей или динамить белые камни – расскажу Груше.

– Послушай, ты, командир недоделанный...

Она встала к нему вплотную. Настолько близко, что я отвела глаза. Терпеть не могла чужие разборки. Чувствовала себя не очень уютно в этот момент. Зато Диана плакать перестала.

Макаров просто кивнул на туалет, демонстративно достал чистящее средство для унитаза, упаковку перчаток и пошел к мужскому «кабинету». В спину ему смотрела Диана, и мне показалось, что у нас в группе появилась пара. Враждующая пара.

Глава 7. Васильев

– В смысле, сортиры второго этажа? Да туда я в туалет ходить боюсь, без противогازа зайти страшно! Василек, ты прикалываешься?

Я должен был. Просто обязан сообщить ему эту фееричную новость. Баянист только с наряда снялся и еще не успел вкусить потрясающих новостей этого дня.

– Да нет, Сема, какой тут прикалываешься. Там сейчас Олежек с нашим женатиком белые камни натирают. Чтоб сверкали аки зеркало.

Наградой мне стало бледное лицо Иванова. Нет, все-таки это чистый кайф, ставить его в такое положение. Ну да, Сема, это тебе не баян растягивать, тут надо ершиком на совесть работать, а потом еще и не только ершиком.

– Это же жесть! Да лучше бы внешку оставили!

– Что ты опять стонешь, Сема. Твои стенания с другого конца взлетки слышно!

Макар, вполне довольный собой зашел в Кубрик. Его взгляд тут же неодобрительно прошелся по заправленной кровати баяниста. Вернее, по его тушке, незаконно сидящей на ней. Сема подскочил. Как говорится, понял все с одного взгляда.

– Это вам хорошо, у вас библиотека на ремонте. Еще пару

месяцев точно лафа полнейшая.

Вот в чем я даже завидовал баянисту, так это в напористости и наглости. Это ж надо, он в любой ситуации пер вперед как паровоз. Даже сейчас, когда его молча поставили на место, что он сделал? Правильно! Он стал искать повод уколоть Сохина. Просто невероятная наглость.

Хотя... Конечно, наглость, когда, в принципе, он был прав. Ребятам очень повезло, ведь их территорией внизу оказалась библиотека. Та самая, что сейчас практически полностью была на ремонте. И на нем же планировала оставаться еще пару месяцев. Это же халява чистой воды!

– Ну ты, Сема, не переживай. Не думаю, что это очень хорошая идея, сравнивать, когда еще не построено. Что-то мне подсказывает, что этот отпуск нам еще аукнется.

Сохин говорил без сарказма, на полном серьезе, и баянист прикусил язык. Я же смотрел на них скучающе. Надо бы пойти в ОВР и сесть за уголовку. Внезапно эта древняя, как любовь Михалыча к наказаниям, женщина стала занимать слишком много места.

Терпеть не мог преподавателей, которые искренне считали, что их предмет самый главный и на остальные плевать. Потому что двойка по уголовке вот вообще ни разу не отличалась от двойки по автоподготовке. Кстати о ней...

– Да у тебя сплошные каникулы, Макар. Я слышал, тебя освободили от пар по автоподготовке?

Тот кивнул. Едва ли не впервые с того момента, как он

приехал, на его лице появилось подобие улыбки. Даже странно такое видеть, Сохин ответил:

– Да, всех, у кого есть права, освободили. Я даже не знал, что подарок бати на восемнадцать мне такой бонус даст. Хотя признаюсь, я бы покатался с вами.

– На ком бы ты покатался?

В кубрик зашел Андрюха. Он, очевидно, в раковине мылся. Опять. Чистюля. Я мог бы его рвению только позавидовать, и никак иначе. Меня хватало максимум на раз в день в ледяной воде. И то не всегда. Не как некоторых, что мы отсадили на заднюю парту даже, но все же.

– Да мы про автоподготовку. А ты все о своем. Слышал, тебя на выходные отпустить собираются.

Тот улыбнулся. Открыто так, радостно. Обычно он не очень любил походы домой, а тут на тебе...

– Ага, отец что-то совсем в печали, но я только рад. Ему вообще до меня дела нет. Если б мать так не переживала, я бы вовсе подумал, что на моей улице самый крутой праздник наступил! Макар, пошли со мной, думаю, тебя Симон без проблем отпустит, у меня переночуем.

Я отвернулся. Мне бы тоже так хотелось. Чтобы меня домой позвали наверняка вкусной едой накормили и на нормальной кровати выспаться дали без побудки в шесть часов утра.

Но Андрюха никого не признавал в этом плане, кроме Сохина. Да и вообще, иногда делал вид, что никого, кроме него

и его друга, тут нет. Что мы не чета этому императорскому дуэту.

– Прости, друг, в любое другое время мы бы устроили забег по вашим местным клубам, но уголовка и стенгазета меня не пускают. Я обещал Веронике помочь.

Андрюха аж поперхнулся от такого заявления. Да и я был несказанно удивлен. Изворотов буквально высказал мои мысли вслух:

– Ты скоро совсем уже обабишься. Я тебя с Фальцевой вижу чаще, чем с собой.

Вот-вот. Это даже странно. Не знай я, что там Вероника, вообще отмороженная на всю голову, да Макар не тянет на должность главного донжуана не то что курса, группы, можно было бы подумать...

Сохин несказанно удивился такому заключению. Судя по всему, ему до этого момента в голову такая история вообще не приходила. Ну да, почему-то охотно верил. Макар спросил:

– В смысле, обаблюсь? Андрюх, не пори горячку. У меня не так много удовольствий в этой жизни, а с Фальцевой работать приятно.

– Угу, приятно. Смотри, как бы потом мне ваших детей крестить не пришлось. Знаю я это приятно. Она хоть и морозит всех, но девка ничего, а такие рано или поздно берут свое.

В кубрике повисла многозначительная пауза. Спустя ми-

нуту я начал беззастенчиво ржать. Стоило только представить детей Сохина и Фальцевой. Это ж капец! Парни сдались так же быстро. Под всеобщий хохот и растерянное лицо Макара баянист ляпнул:

– Ваши дети бы напоминали снеговиков! Смотрели бы так выразительно, что превращали бы всех в айсберги.

– Ага, и знали бы все от рождения, наизусть!

Мы ржали, а Макар сдался, закатив глаза. Затем присоединился к нам. Вволю насмеявшись, он ответил:

– Да парни, скорее Сема склеит певичку с пятого курса, чем я окажусь на крючке у Фальцевой. О чем вы вообще? Меня отношения на курсе не интересуют. Я что, похож на идиота-мазохиста?!

О да, не похож, но все же... Что-то в его тоне показалось мне странным. Я же про себя подумал, что эти разговоры наводят на одну лишь мысль: пора бы мне тоже заняться своим половым воспитанием.

Поэтому, когда все закончили обсуждение фантастических вариантов будущего Сохина, я набрался смелости и подошел к Андрюхе. Тот сперва не заменил меня, в потом удивлено поднял брови:

– Ну чего такого, Василек? Хотел что.

Собирался сделать очень странную вещь, но пока никак иначе попросту не мог. Надо было решать вопрос, пока не передумал, или у меня не набрался целый арьергард параш по предметам.

– Андрюх, а можно я с тобой пойду? С тебя ночевка, с меня выпивка в клубе. Ты только устрой экскурсию, ладно?

Говорить ему, зачем мне все это, я пока не собирался. Еще откажет. Скажет, что не нанимался заниматься подобным. Или сутенерством. А мне и без того стремно. Затаив дыхание, ждал ответа.

Изворотов смотрел на меня как на шестое чудо света. Ну да, согласен, было от чего. Но я не собирался отступать. В конце концов тот прервал молчание:

– Ну пошли. Только, чур, не напиваться, как я в прошлый раз. У меня таких способностей, как у Сохина, нет. Мне самому, как помнишь, нянька понадобилась.

Сказано это было с некоторой горечью. Я же подавил приступ ликования и сдержанно кивнул. Про себя подумал, что это просто круть! Я смогу сделать это! Смогу наконец-то стать мужиком!

Глава 8. Диана Белозерова

У меня тряслись руки. Я даже отцу позвонила, настолько сильно меня трепала истерика. Тот был в какой-то командировке и не взял трубку. А я думала, что моя жизнь кончилась.

Я знала, что нам могут дать туалеты, но отец мне обещал, что не дадут! Он говорил, что договорился с Куропаткий, или кто там распределял территорию!

И вот вечер, я стою в двух перчатках перед кабинкой женского туалета. Первой и самой чистой обычно. Я терпеть не могла именно этот сортир. Если не было возможности сходить к отцу, шла в тот, куда чаще всего преподаватели навешиваются и курсанток обычно гоняют.

Но моя наглость не знала границ. И правильно! Потому что как можно было разводить такой свинарник?! Здесь вомяло. Не как в мужском, где, казалось, запах вьелся даже в стены. Мимо пройти нельзя было, но приходилось, ведь женский туалет располагался после.

Здесь гадил едва ли не весь институт. Но что хуже, тут гадила бухгалтерия. Тетки из нее ходили в туалет с такими лицами, словно собрались на трон восходить.

Меня, стоящую и одиноко пляшущую в белую дверцу кабинки, смерили таким взглядом, словно я тут гадостями занималась или еще чего хуже: смела недостойно смотреть в

ответ.

Отодвинулась. Обхватила бы себя руками, да в перчатках не хотела. Они были на два размера больше, да еще и жуткого качества. Тоненькие, наверняка самые дешевые. Я Маркевиченко все выскажу! Что ее мать говно всякое закупает!

В итоге я так и не решилась зайти. Налила воды на пол да размазала ее в надежде, что никто не заменит. Ни в одну кабинку я так и не зашла. В какой-то момент по щекам снова полились слезы.

– Диан, ты закончила?

Слезы высохли как по команде. Обернулась и со всей возможной злостью на ситуацию и мир в целом уставилась на Олега. Ненавижу! Я бы решила вопрос с девочками! Если надо, заплатила бы! Но этот... Этот...

– Да!

Скорее выплюнула ему это в лицо. Но тому, судя по всему, было пофиг. Вообще я всегда относилась к однокурсникам либо никак, либо как к Андрюхе. В целом у меня всегда вокруг было много друзей.

Хотя многие из них и отвалились за первый год обучения. Пока остальные мои подружки вели нормальную студенческую жизнь, я ходила строем, залипала сутками в юридическом и вырывалась в клуб от силы пару раз в месяц. Считай, по особому случаю.

Неудивительно, что многие подружки забывали, как я выгляжу. Но то, что на смену им придут такие, как Макаров...

Хотелось ему врезать. От души так.

Тем не менее я лишь ошарашенно наблюдала, как он зашел в женский, между прочим, туалет! Женский! А потом начал по очереди открывать кабинки.

– Ты извращенец, что ли? – спросила я, прекрасно понимая, что видит он там примерно тот же срач, что и до.

Тем не менее мой вопрос остался без ответа. Я же ждалась. Потому что он реально мог пожаловаться начальству. И тогда отец бы даже не помог. Когда дело касалось вопросов всяких про мое обучение. Именно такого рода, где я, по его словам, включала «избалованную, охреневшую дочь».

Он лично пару раз Симону давал добро на всякие «воспитательные» моменты. Хотя мне уже восемнадцать! Себя повоспитывай!

И вот я стою, наблюдаю за Макаровым. Этого фейспалма он у Сохина посмотрелся? Что за выражение вселенского безразличия? Но даже не это меня поразило. Другое...

На моих глазах Олег тяжело вздохнул и покачал головой. А потом просто повернулся ко мне спиной и вышел из туалета. Сказать, что я ликовала, – значило ничего не сказать. Неужели передала?

Неужели моя взяла? Хотелось исполнить победный танец. На лице появилось победное выражение. Я заметила его в отражении грязного стремного зеркала в выдавшей виды пластиковой оправе.

Оттуда на меня смотрела какая-то действительно охра-

нявшая девушка. На мгновение стало стыдно. Ведь правда я понимала, на что шла. Ну как понимала, скорее была в курсе происходящего.

Наивно полагала, что отец решит все вопросы. В конце концов он обещал! Говорил, по крайней мере, что у меня точно будет положение выгоднее.

Только, помимо наличия личного туалета, в который не всегда возможность-то была заходить, это как-то незаметно! У Маркевиченко и то блата было больше. Что несказанно бесило.

Хотя больше меня бесила Фальцева, которой, судя по всему, вообще пофиг было, что делать: зубрить уголовку или драить сортиры. Как так можно-то?! Я искренне не догоняла.

Довольная, уже собиралась с гордо поднятой головой удалиться, как Олег показался в проходе снова. Все с тем же спокойным выражением на лице и большим мусорным пакетом в руке.

Я отшатнулась, растеряв весь свой настрой, и застыла возле входа. До меня не сразу дошло то, что он делал. Макаров молча прошел в первую кабинку. Так же молча исчез там, шурша, как я поняла, мусорным ведром.

Потом он вышел и все так же молча, все с тем же выражением на лице прошел во вторую. В этот момент в туалет влетела какая-то курсантка, явно не в силах ждать больше.

Судя по нашивке, с первого курса. Вот в любой другой момент я бы над такой ситуацией поржала. Представила ее

реакцию и еще потом долго рассказывала девчонкам. Но...

Она, конечно же, наткнулась на Олега. Быстро прошла в ту самую кабинку, где шуршал он, и ойкнула. Понимаю, я бы тоже на первом курсе ойкнула.

Она залилась краской, осмотрелась, вытаращив глаза сначала на меня, а потом и на парня, затем попятилась и с красным то ли от нетерпения, то ли от натуги лицом вылетела из туалета. Я же молчала.

Молчала и глядела на Олега, что также невозмутимо зашел в третью кабинку. Там, судя по всему, он произвел те же манипуляции. И так, пока не прошел все кабинки.

После просто вышел из туалета. Я смотрела ему вслед и не могла сдвинуться с места. В голове не укладывалось, что он сделал это за меня. В смысле, собрал бумагу. В женском туалете! После того, как заявил, чтобы я пошла и убралась сама.

Из оцепенения меня вывел Николяша.

– О, Белозерова, а мне тут сказали, тебя истерика треплет. Давай показывай свои насиженные белые камни.

Я даже не ответила ничего. Лишь взгляд потупила. Глядела в пол, не в силах вымолвить ни слова. Вот что произошло и как теперь расценивать его поведение? Что делать-то?

Тем временем Николяша преспокойно закончил осмотр и со скепсисом на лице медленно стал разглядывать меня. К слову, все еще стоящую в перчатках с обалдевшим выражением на лице.

– Ладно, Белозерова. Спишем качество уборки на шоу. Не переживай, все там были. У меня вон одна отказывалась, тоже однокурсница.

Я встрепенулась. Не думала, что в его бытность такое возможно. Все же лет шесть назад правила были намного жестче. Да и начальник был другой. Этот, говорят, на учебу напирал, а тот за дисциплину радел больше.

– И как?

Надежда в моем голосе даже мне самой показалась очень жалкой, но, как говорится, умирала она последней. Медленно, но верно умирала, так как Николяша пожал плечами и просто ответил:

– Да ее девки наши с потрохами сожрали. И недели не продержалась. Потом еще долго по этому поводу все прохаживались. Хотя она была дочкой тогдашнего зама.

Я совсем поникла, а на фоне помощи Олега совсем тоскливо стало. Да что ж это такое?! Весь мир против меня! Лейтенат же, очевидно, в надежде подбодрить, ляпнул:

– Да ладно, Белозерова, не дрейфь! Скоро и говно плавающее и всякое ваше женское, застрявшее и всплывшее потом, покажется легкой прогулкой по плацу.

Ну спасибо! Меня чуть не стошнило. Вообще, как я поняла, чем больше стаж в милиции, тем все эти темы проще. Отец иногда такие вещи говорил, что просто тошнило. Даже мать брезговала и просила его замолчать!

Но вот Николяше было пофиг. Он с не сходящей улыб-

кой просто развернулся и ушел. Типа принял территорию. Только я осталась одна с осознанием, что оказалась один на один с тем, что должна парню, которого полтора часа назад поклялась ненавидеть.

Глава 9. Олег Макаров

– Ну что, довоспитывал нашу принцессу.

Мы стояли вечером возле раковин. Привычная группа моржей, которых не пугала ледяная вода из-под крана. Как говорил мой отец, вкушай все тяготы и лишения службы, ведь в его годы...

– Никого я не воспитывал.

Хуже баб иногда. Время шло к отбою, а парни, с которыми я жил в кубрике, решили дать мне знать, что в курсе. Не ожидал, что на курсе эта тема разойдется так быстро.

И в мыслях не было воспитывать Диану. Скорее я ее пожалел. Видел я таких папиных дочек, что считали себя принцессами. Ведь они и были по сути таковыми, в современном прочтении. Да только потом таким тяжело приходилось.

Пусть уж лучше меня ненавидит, чем потом будет от всех этих подружек огребать. Чем дальше, тем ей сложнее придется. Я наблюдал за ними. Дитя училища, куда родители вынуждены были отдать меня в десять лет, я уже прошел все стадии принятия.

Это сначала у тебя обычная жизнь, куча друзей, все вертится вокруг тебя. Ты свой парень на районе и держишь в страхе всех говнюков. Но на самом деле это меняется по мановению волшебной палочки.

Мне еще десять было. А ей восемнадцать. Дети хотя бы забывают быстро, а вот окружение нет. Подруги уже начали отваливаться, ведь она сутками торчит здесь.

Вон, у Волобуевльй так же, но у нее сестра шебутная, да и не любит она находиться в центре внимания. А Диана звезда и сходнение с пьедестала дается ей тяжко.

Обвернулся в полотенце, вздрогнул от холода и направился в кубрик. Мне не так повезло и моими соседями стали парни разношерстные, не умеющие договариваться. Не дрались, и на том спасибо.

Но не впервой. Сначала ты смотришь на них с особой надеждой. На дружбу, на общение, на адекватность. Потом они показывают свое лицо, и ты понимаешь, кто перед тобой. А потом и вовсе поднимается раздражение друг на друга.

Так что Диане еще повезло. Живет дома. Хотя она же сама шутила, что иногда не видит смысла уходить отсюда чисто поспать. Ну да, это пока папка с мамкой кормят. Вон, другие девчонки не такие беззаботные.

Расправил кровать и с наслаждением лег. Ноги гудели дико, да и голова тоже. Сегодня тщетно пытался выучить уголовку. Старая горгулья весь курс поставила в такое положение, будто кроме ее предмета ничего не существовало.

С нами такое впервые происходило. Не верилось, что человек может быть настолько отбитым. Мы даже Симону жаловались. Но тот разводил руками. Мол, она там заслуженная-перезаслуженная вся. С ней никто не спорит, потому что

себе дороже.

Самое в этой ситуации паршивое, что уголовное право от этого мы знать лучше не стали. Наоборот, у преподавательницы была такая подача материала, что просто мрак. Казалось бы, что там в общей части Уголовного кодекса учить-то? Но мы бесконечно зазубривали всякие мнения всяких именитых ученых, теряясь, что есть закон, а что его вольная трактовка.

С завистью поглядывали на второй курс, что в курилке захлебывался восторгами по поводу другого крутого препода в кафедры. Молодой, самобытный, в общем, классный. Они все понимали и, считай, почти не учили.

Диана тоже сокрушалась по этому поводу. Сомневаюсь, что учиться собиралась, а вот стать частью всеобщего движа – это запросто. Она вообще любила все, что модно. Странно, что это не касалось отношений с парнями.

Тут я должен был признаться самому себе, что этот пункт радовал меня особенно сильно. Как бы я ни отрицал, как бы ни прикидывался, но эта избалованная папина дочка вызывала во мне слишком много чувств.

Парни переговаривались, как всегда, не трогая меня. Привыкли к некоторой нелюдимости. Я же думал о том, что сегодня впервые полез не в свое дело. Вот надо оно мне было? – Макаров? На минуту.

Я не сразу понял, что меня звали. Так-то отбой уже, и можно было схватить люлей от руководства. Но Сохин про-

сто так не дергал обычно. Со скрипом, присущим только местным кроватям, спокойно поднялся. Дружба, она такая, ведь Макар едва ли не единственный, с кем я тут мог спокойно разговаривать.

Вышел в коридор в одних трусах. Впрочем, командир был тоже в неглиже. Взлетка пустела тусклым светом и одиноким дневальным в конце. Мой Кубрик находился далеко от входа.

– Ну и что это было сегодня?

Пытливый взгляд, скрещенные руки и реально настороженное выражение лица. Умел он давить. Мы начали общаться не сразу, примерно через пару месяцев, а точнее, пару нарядов. ДП, знаете ли, сближает.

– Я тоже не святой, Макар. Что ты от меня хотел?

– Да ничего, просто мне ваше с Андрюхой противостояние в одном месте сидит. А теперь еще у него появился повод дословно «начистить хренову воспитателю лицо», потому что ты обидел его подружку.

Усмехнулся. Диана Изворотову нафиг не сдалась. Он прекрасно проводит время без нее. Это девушка на него томные взгляды бросает. Я же не дурак. А что касается ситуации... Пожал плечами и просто ответил:

– Ну пусть начистит. Ты же знаешь, что дальше слов дело не пойдет. Да и я не позволю. Мне тут еще учиться, Макар.

– Нравится, да?

Прозвучало словно мне понравилось смотреть на недостижимую звезду мирового масштаба. Хотя... В некотором ро-

де так оно и было. Но здесь я все так же просто ответил:

– Я достаточно умен, чтобы ответить на этот вопрос отрицательно, но достаточно честен, чтобы утвердительно. Так, думаю, будет понятнее.

Мы замолчали. Сбоку скрипнула дверь, и показался сонный Николяша. Понятно. Самый адекватный из нашего руководства. Он когда-нибудь станет отличным начальником курса. Если улыбаться так перестанет. Хотя... Что я привязался к его улыбке.

Он осмотрел нас, усмехнулся и как ни в чем не бывало, словно мы были стеной, пошел дальше. Прикольно все-таки быть адекватным.

– М-да, я даже не знаю, что сказать, Олег. Влип ты. Да и как бы Диана...

– Обычная красивая девушка, сегодня она, завтра другая. Ты же понимаешь, что у нас тут восприятие смазано за счет постоянно присутствия вместе. Исключительно логика и физиология.

Про себя же подумал, что классная отмазка. Самому себе в первую очередь. Она реально может сработать. Надеюсь.

Судя по взгляду Сохина, что стал несколько потусторонним, он снова вспоминал такую свою занозу. Занозу, от которой свалил на другой конец страны.

– Твои слова да сердцу в уши.

– У сердца нет ушей.

– Да ладно, а тогда какого лешего...

Он осекся. Мы заржали, потому что буквально на днях Баянист в курилке важно обсуждал, что у сердца есть уши и только он, артист восьмидесятого уровня, знает, как до этих самых ушей добраться. Макар, как отсмеялся, сказал:

– Даже тут, в такой ситуации, без Иванова никак. Семен Семеныч, одним словом.

– Согласен, это реально диагноз!

На этой ноте разговор можно было считать законченным. Мы пожали друг другу руки, пожелали относительно добрых снов и разошлись по кубрикам.

Засыпая, я искренне надеялся, что сны ни с чьим участием мне сниться не будут.

Глава 10. Алена Иванова

Есть такие моменты в жизни, когда эта сама жизнь пронесется перед глазами. Когда только и остается, что молиться всем богам мира, чтобы они были благосклонны к тебе. Вот сейчас у меня был такой момент.

Ибо я опаздывала. Да не просто опаздывала, а на великий и ужасный понедельничный развод. Мне конец. Но степень этого конца будет определяться Симоном и Грушей. И хорошо, если ими, а не Михалычем.

Как я могла опоздать?! Подобное было сродни самой жестокой ошибке. Вот как так-то?! Я летела к КПП на всех парах. Сейчас речь уже не шла о том, чтобы попасть к заветным семи тридцати. Хотя бы к восьми успеть, ведь развод в восемь!

Еще не хватало столкнуться с начальством на выходе. Тогда совсем капец будет. У нас начальник института немного того, когда не в настроении, подобные встречи могут стать последними.

Для курсантов, в смысле. Поэтому я переживала и молилась всем богам и даже преподавательнице по уголовному праву, чтобы кара не настигла меня сегодня.

Влетела я внутрь, запыхавшись, дернула дверь и встретилась с понимающим, но удивленным взглядом девушки на

КПП. Нам еще нарядов тут не давали. Точнее, девочки ходили из третьей группы да пара из второй, но по факту...

– Подожди, там Михалыч стоит, сдай назад.

– Я и так опоздала!

– Вот именно, не пались, поверь моему опыту. Ты уже залетела, но есть шанс, что пронесет.

И она многозначительно глянула на камеру, под которой я стояла пока что вне зоны видимости. Попятилась. Девушка же с невозмутимым видом сидела и подпиливала себе ногти. Курс третий, не меньше. После уже на главное КПП офицерское сажали.

Я встала прямо у двери, замерев за выступом. В наш институт было несколько входов, но основных два: для курсантов и всех остальных. Наш вход представлял собой узкий длинный коридор с окнами, в начале которого располагался турникет со старой приставленной тумбочкой.

Она была обшарпанная и сбоку стояла сумка девушки. Сама она явно не парилась по поводу наряда и пилочки в руках. Говорят, такое зависит от дежурного. Есть тут свои звезды, парни уже рассказывали веселые истории про местных паникеров.

– Давай быстро и сразу в курилку. Народ с развода туда придет и тебя и не заметят, если дежурка не спалит. Только иди короткими перебежками, аккуратнo.

На заднем фоне раздались звуки оркестра. Я приложила увольняшку к турникету, тот надрывно пискнул, показав зе-

леную стрелочку, а потом дала деру мимо второго корпуса прямо к курилке.

У меня тряслось решительно все. Если меня спалят, этот день будет одним из самых худших в моей жизни. И коза, с которой я жила, даже не разбудила! Я вообще не понимаю, как могла проспять.

Желудок призывно заурчал. Теперь только после первой пары в чепок попаду, а есть хочется жутко. Я только зубы почистила да оделась. Забилась в самую дальнюю курилку.

Тут вообще никого не было, отчего становилось не по себе. Ну как так-то случилось, вот с какого перепугу я опоздала? На заднем фоне начальство разглагольствовало. Я замерла.

Блин! У меня же две двойки было на той неделе. А если вызовут? Вызовут, а меня нет, это ж кошмар! С этого года ввели новую порочную практику чморить перед всем институтом особо отличившихся.

Я не выдержала. Осторожно пошла в сторону большого плаца. Там, на краю третьего корпуса, увидела еще человек пять, кто стоял. Решительно пошла в эту могучую кучку.

Судя по всему, двоечников уже вызвали, я осторожно проблеяла:

– Иванову не вызывали?

Пять или шесть человек разом обернулись на меня. Долговязый парень, судя по нашивке с четвертого курса, улыбнулся во все тридцать два и пробасил:

– Вызывали, сказали начальнику курса разобраться в причине отсутствия!

У меня земля ушла из-под ног. Затрясло, а на глаза стали наворачиваться слезы. Как вызывали? У меня же всего две двойки! Обычно там стоят те, у кого от пяти и выше неотработанных. У-у-у! Да я бы в жизни не обратилась с таким вопросом к незнакомому курсанту, а тут такое...

– Мить, ты вообще адекват, да она сейчас тут или в обморок от шока грохнется, либо слезами все зальет. Не вызывали тебя. Не бойся, опоздала, что ли...

Все еще не веря, находясь в состоянии жуткого стресса, я вытерла нос рукавом и ответила:

– Ага.

Несмотря на слова девушки, меня потряхивало. Смелости общаться дальше не хватило, и весь запал, что ушел на то, чтобы подойти сюда и задать вопрос, испарился. Курсантка смерила меня сочувствующим взглядом:

– Бывает, но это ты удачно. В обычный день Михалыч бы сто пудов поймал. Он вообще озверел с этим новым начальником факультета. А сегодня мистер Зло занят.

Икнула. Привалилась к стеночке и пару раз шумно выдохнула. Ребята стояли как ни в чем не бывало, и я бы правда хотела знать что они тут делают. Как бы не принято у нас не ходить на разводы. Ну как не приятно – запрещено.

Обычно считают всех, переключка там и все такое, увольняшки сдают и на курс относятся. Они висят на специаль-

ной доске с фамилиями. Без нее не выйдешь из института, да и сразу видно, кто на месте, а кого нет.

Зазвучал оркестр. Я как-то пропустила, кто у нас на этой неделе лучший курс и лучшая группа. Каждый понедельник по итогам среднего балла и достижений (ну там победы в соревнованиях, участие в художественной самодеятельности) выбирали лучшее подразделение. Все согласно иерархии: факультет, курс, группа.

Практически всегда побеждал наш, первый, факультет. Курсы и группы разнились. Нашу часто хвалили, но уголовка все наши достижения убивала просто на корню. Одна двойка была у меня по ней, а вторая по автопод. Ну не рождена я для правил ПДД!

Как можно ответить на эти дебильные двадцать вопросов, допуская не более двух ошибок. Мы же еще толком не учили ничего! А отработать я не успела двойки, потому что обе в пятницу вечером получила. Тупо времени не хватило!

Мало того что все выходные в институте сидеть пришлось, ведь у нас всех двоечников оставляют на самоподготовку почти на целый день, так еще и не выучила ничего. Просто голова пухла, да и Сема со своим баяном тренировался.

– Алэн, ты чего тут стоишь?

Обернулась в страхе, но это был всего лишь Васильев. Я открыла рот, но потом закрыла. Меня снова немного потряхивало.

Сам одnogруппник стоял с ведром, на нем висел бейджик

дневального по курсу. Вот он, единственно законный способ пропустить развод – наряд. Я замялась:

– Да опоздала она, у вас начальник курса кабинет закрыл, когда уходил?

Все та же бойкая девушка подсуетилась. Командирским голосом поставила Василька в позу зю. Тот, наверное, за хлоркой пошел для взлетки. У нас тут сезон простуд пошел и всех заставляли мыть с дезинфекцией.

– Нет, а что?

– Как что, тормоз, бери у нее увольняху и на вашу доску почета иди вешай. Скажете, что тут и была, и никто ничего не заметит. На разводах обычно не до вас.

Василек хмыкнул, очевидно, оценив сообразительность умудренных опытом курсантов, и протянул руку. Без вопросов. Я же точно так же положила ему на ладонь увольняшку, выпучивая глаза. Парень кивнул, развернулся и зашагал в сторону курса, а я услышала топот ног и снисходительное:

– Второй курс, вот всему вас учить надо!

Глава 11. Маша Копылова

– У меня развод, Макс. Ты что, забыл...

Я шептала в трубку, стоя прямо в строю. Пока говорил какой-то заместитель про события минувшей недели, я пыталась без палева ответить на звонок любимого. Уже третий.

Два предыдущих я скинула, все же мероприятие! Неужели он забыл про развод? Я даже специально из-за него в институте осталась. Все же вставать ни свет ни заря и мчать в институт сложно. На такси я тратиться не хотела, напрягать Максима просьбой отвезти меня тоже...

– Я тебя сегодня-завтра обед заберу!

Он крикнул так, что это услышал весь строй. Николаша погрозил мне пальцем и взглядом дал понять, что я охрелела. Он вообще любил указывать на такое. Я же сдалась и одними губами ответила «извините».

Макса же сбросила и написала в аське пятое «хорошо». С тех пор как он стал работать в УВД области, просто напрочь игнорирует мое расписание. Будто сам не учился здесь.

Развод продолжился. Мне нужно было до первой пары забрать тетрадь у Алены, что вчера взяла переписать лекцию и немного повторить. Уголовка выматывала, и вчера я целый день просидела над кодексом, чуть ли не наизусть запоминая определения.

Сегодняшней пары, судя по всему, боялись все. Ребята в строю обсуждали ограничения по возрасту уголовной ответственности, проговаривали вслух решения Пленумов Верховного суда.

Еще ни разу я с такими нервами не шла на занятия. Раньше учеба не вызывала у меня отвращения, но сейчас... Точнее будет сказать, не учеба, а уголовка. Я даже опустилась до того, что стала называть преподавательницу старой гримзой. В уме, разумеется.

Развод кончился, и я стала выискивать Алену. Она в строю обычно рядом всегда была. Мы обе невысокие, без каблучков. От горшка два вершка, как Симон говорил.

Но девушки нигде не было видно. Съедала, что ли? Я пошла со всеми общим потоком в сторону курилки. Надо было бы по-хорошему прямо по большому плацу во второй корпус, но... Но там стояло руководство, а я скорее руку себе откушу, чем на глаза им попадусь.

Воспоминания прошлого года еще свежи в памяти. Даже слишком. Начальник института до сих пор выделяет меня среди многих. Как находит случайно взглядом или на мероприятиях, так губы поджимает. Меня поэтому больше в клуб и не звали особо. Мол, он против.

Хотя все это больше напоминает слухи. Максим на мои страхи лишь махнул рукой. Сказал, что я справлюсь, и чтобы не думала, что кому-то из руководства до меня действительно есть дело. Прозвучало немного обидно даже.

Хорошо ему делать такие выводы, когда он сам уже окончит и устроился на отличную работу. Не райотдел, не следователем всяких жуликов водить. Пожалуй, козырнее только в гай, но он почему-то не хотел.

Хотя сам рассказывал, как многие друзья уже отбили себе стоимость устройства на работу. Для меня, конечно, было шоком, что, чтобы попасть на нормальную должность после института, надо было платить. Бесплатно тебя могли взять только участковым.

Но это что касалось именно этого города. Я знала, что в моем регионе, откуда меня направляли, места есть всегда и вечный недобор. Можно хоть участковым, хоть следователем, хоть в штаб пойти. Девочек обычно туда и засовывали.

В общем, по итогу пяти лет меня ждало именно оно. Место в нашем крошечном сельском отделе милиции. И это тоже было тем вопросом, что боялась поднимать с Литвиным...

– Машка! Прости меня, вот тетрадка.

Запыхавшаяся, растрепанная и возбужденная Алена возникла передо мной внезапно. Она была такая странная, испуганная. Не удержавшись, я спросила:

– У тебя все хорошо?

– Я развод проспала и опоздала!

Она сказала это шепотом, но очень громким. На нас обернулось сразу же несколько курсантов. Мои глаза тоже расширились, а ладони тут же вспотели. Опоздать на развод было

самым страшным. Ну, если не самым, то в десятку смертельных косяков входило точно.

– И как?!

Я схватила ее за руку и потащила. Мне показалось, что все на нее пялятся и словно насквозь видят, что она сделала. Алена тоже оглядывалась и девушку ощутимо трясло. Она пропищала:

– Я не знаю! Никто пока не заметил из начальства.

Мы стояли и пялились друг на друга, словно она сказала о том, что нарезались мухоморов без последствий. Я даже переспросил:

– В смысле, и даже нарядов не дали?

– Нет! Машка, мне так страшно, а если узнают, а если меня отчислят?

Признаться, я Алёну такой еще не видела. Словно страх отчисления был сейчас самым важным, что ее в жизни интересовало. Хотя сомневаюсь, что была далека от истины. Но тем не менее...

Я стояла по ту же сторону, только совсем в другом положении. У нее была паника, а я вещи собирала. Ну и как бы мне реально сказали, что все. Мое обучение закончилось.

Тем не менее в этом институте никогда не знаешь, откуда выстрелит. Пока мы с Алёной стояли и пялились друг на друга, к нам неожиданно подошла Вика Волобуева. Глянув на Алёнку, она сказала:

– Пошли, тебя начальство завет.

Та вся побледнела, покраснела, а потом ее глаза наполнились слезами. Она всхлипнула и как запричитает:

– Меня отчислят!

Вика остановилась как вкопанная, посмотрела на рыдающую Алену, потом на озадаченную меня и спросила:

– За что тебя отчислять, Иванова? Там из второй группы Танька в наряде в обморок грохнулась, тебя Николяша зовет, чтобы быстрее бежала меняла. Ты нормальная вообще?

– Так это не из-за того, что я опоздала на развод?

Алена ляпнула это, а я подумала, что о таких вещах не стоило бы говорить вслух. Тем более при Волобуевой. Но та лишь удивилась, взяла Алену под локоток и потащила ее в сторону корпуса, подальше от толпы. Я же поплелась следом, слыша:

– Ну опоздала, ну и что? Я вон зимой каждый второй развод пропускала. Вон, сидела в корпусе, чтобы не мерзнуть. Если ты до сих пор тут, то тебя не спалили. Лицо кирпичом и пошла к Николяше. Хотя он бы на моем месте сказал то же самое. Зачетный у нас лейтенант. Повезло, считай.

Слушать такое от Волобуевой было странно. Тем не менее речь сейчас шла далеко не обо мне. А Алена готова была рассыпаться в благодарностях. Она сбивчиво рассказала Вике о том, что же случилось, заодно посвятив в подробности и меня.

Я бы сказала, что ей бесконечно повезло. Так выкрутиться, это уметь надо, а уж в понедельник... Вообще, у нас раз-

воды были каждый день, но обычные, перед занятиями просто построиться, довести информацию и все такое.

Каждый понедельник же собирался весь институт. Даже преподаватели и сотрудники отделов. Они кучкой толпились справа, строясь в две коробки: мужскую и женскую. Ходили они лишь бы в ногу, а вот нас дрючили частенько.

Такая практика была введена с прошлого года. Нам, так сказать, повезло. Начальник института вообще очень активно примерно с нашего поступления насаждал новые правила в институт.

Мы дошли до курса. Я же не собиралась туда идти! Хотела повторить уголовку, переписаться с Максимом, узнать, что он сегодня планирует и что купить в магазине для ужина, если будем дома.

А в итоге стала свидетельницей разговора с Николашей. Вика предложила ему все честно рассказать. Что Алена и сделала. Да вроде там сложно было что-то утаить, она рыдала в три ручья.

Лейтенант лишь отмахнулся и сказал, что не пойман – не вор, при этом хитро глядя на Волобуеву. Та лишь пожала плечами. Алена убежала в наряд, а мы с неожиданной попутчицей отправились на пару.

Как только вышли из корпуса, я тихо сказала ей:

– Спасибо.

Та подала плечами, ежась от осеннего промозглого ветра, и просто ответила:

– Да не за что. Я ж знатная залетчица. И кроме того... – Она повнимательнее посмотрела на меня. – Карму отрабатывать надо.

Глава 12. Андрей Изворотов

Я когда-то думал, что мой отец – это худшее, что могло случиться со мной. В плане учебы. Там вообще много планов было, но именно учеба и его отношение ко мне как к курсанту на паре добило меня.

Прошел год и вот теперь я смотрю на сморщенную женщину, что сидит слева от меня за партой преподавателя и с умным видом говорит мне, что я неправильно все перечислил. Забыл одну из статей уголовного кодекса, по которой ответственность наступает с четырнадцати лет.

– Уважаемый курсант, мы забыли в середине еще одну статью. Надеюсь, вы сейчас исправите свою ошибку, иначе я буду вынуждена поставить вам неудовлетворительно и ждать на отработку.

Карга старая. Там сколько статей, двадцать? Я назвал все! Специально пальцы загибал, когда говорил. Хотелось грязно выругаться. Она же невозмутимо поправила очки на крючковатом носе, а потом прокашлялась.

– У вас три попытки, уважаемый.

Это ей что, аттракцион, что ли? Я угадаю это слово за три попытки? Телевизионное шоу, чтоб его. Стиснул зубы. Прикинул в уме, что ей от меня нужно, и начал называть.

Группа молчала. Прошли те времена, когда на паре можно

было перевернуть тетрадку на первой парте и прочитать что-то втихаря. Уж точно не здесь. Прошло три месяца от начала сентября, но...

– Статья двадцать Уголовного кодекса Российской Федерации...

Без Российской Федерации – это сразу два. У нее особый пунктик на полное название кодекса. зубрить его надо наизусть, как кучу другой ненужной ерунды.

Я еще раз перечислил все статьи, на этот раз еще с описанием названий. Вот тут мог ошибиться, так как наизусть все статьи учить – это уже из разряда миссия невыполнима.

Старая гримза лишь поджала губы и недовольно ответила:

– Мне не нужно, чтобы вы перечислили мне все заново, мне нужно, чтобы вы назвали мне те статьи, что забыли в первый раз. Одна попытка сгорела, уважаемый. Но вы можете попробовать еще дважды.

У меня реально аллергия была на это ее «уважаемый». Обратился глазами к залу, но поймал лишь напряженные взгляды одноклассников. Потому что ребята реально не могли помочь, даже если бы захотели.

Маша сидела и что-то про себя бубнила, Диана пролистывала Кодекс, словно от скорости этого действия зависела ее жизнь. Василек смотрел с диким отвращением на препода. В этой обстановке лишь Семен выглядел блаженным.

Просто он свою тройку получил десятью минутами ранее.

В ближайшие полчаса его не спросят. Отстрелялся. А меня, несмотря на пять оценок с начала семестра, все равно вызвала!

– Статья двести шесть.

Грымза отрицательно покачала головой, наслаждаясь моментом. До нас пара была в третьей группе, так они вышли отсюда, словно за ними черти гнались. Жуткое дело.

– Статья сто шестьдесят шесть.

Она довольно чмокнула, и тут я понял, что, скорее всего, правильного ответа на данный вопрос в принципе в природе не существовало. Да и откуда он. Само собой, тетка просто издевалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.